

Итогом предпринимательской деятельности, по моему убеждению, должны быть не бесконечные в своём однообразии деньги, а добрые дела, но не любые, а выстраданные каждым конкретным предпринимателем. Так Билл Гейтс, например, опираясь на свои несметные богатства, лично и с большим азартом участвует в борьбе с малярией в Африке. Один мой товарищ, Алексей Дорошенко, вкладывает деньги, а главное – душу в реконструкцию уже третьего храма, в службу в церкви в качестве пономаря и в превращение некогда развесёлого центрального парка, построенного на территории бывшего кладбища, в “Иркутский исторический некрополь”.

Я, в свою очередь, наряду с помощью храмам и с просветительством, уже добрый десяток лет занимаюсь собиранием внушительной коллекции картин и скульптур, а теперь, уже с женой на пару, создаю на основе моей коллекции музей-галерею современного искусства для своей души, для любимых людей и всех жителей родного города.

Наличие своей галереи открывает и немалый простор для эффективного международного общения и налаживания отношений, в том числе, думаю, в интересах и детей, и бизнеса. Иркутская школа ослабевшей ныне в Европе реалистической живописи может вызвать огромный интерес и у нас, и за рубежом.

Не случайно за картинами наших художников сегодня буквально охотятся жители Поднебесной, создающие галереи в каждом административном округе и гордящиеся ими, как мы когда-то футбольными и хоккейными клубами. Недавно они даже издали весьма внушительный каталог, который является “путеводителем” по иркутским художникам. Но! В нашей галерее собрано более 1000 полотен как ушедших в мир иной, так и ныне здравствующих художников, причём наследие нескольких крупных мастеров (В. Бочанцева, Н. Вершинина) куплено нами почти целиком. Ни в одной мастерской сегодняшних художников не представлено так цельно их собственное творчество в разные периоды жизни, как у нас, нет у них и соизмеримого с нашим фондом для выставок и продаж.

Наряду с живописью, сокровищем моей коллекции является бронзовая скульптура, хотя имеется и деревянная. Собственно, по дереву в Иркутске по настоящему работает лишь один уникальный для нашего города мастер в ранге заслуженного художника России – Лев Сериков.

Бронзовым литьём на высочайшем, но уже не иркутском, а мировом уровне традиционно занимаются наши соседи в Бурятии. Благодаря Даши Намдакову бурятская скульптура получила широкую международную известность. Сам Даши живёт теперь, в основном, в Лондоне. В 2012 году он украсил главный выставочный центр британской столицы в Гайд-парке своей уличной скульптурой “Чингисхан”, а в мае 2015-го на тот же постамент водрузили одиннадцатиметровую “Хранительницу”.

Интересно, что идея этой гениальной скульптуры родилась совершенно неожиданно из невинного подарка. Друзья из родного бурятского села Укур-рик, что расположено в Читинской области, преподнесли ему идеальную, по мнению Даши, скульптуру, изваянную самим Господом Богом, а именно череп рыси. Дело стало за малым – мысленно, а затем и в модели “одеть” череп плотью, прилепить к нему преобразённое древними мифами народа и собственной провидческой фантазией тело и выбрать подходящую позу. Ну, разве что ещё вдохнуть в новорождённую бронзовую плоть энергию самостоятельной жизни.

Иногда при взгляде на скульптуры Даши кажется, что они оживают и величественно взирают из далей будущих веков и тысячелетий на суетящихся людей. Добротно изготовленные в лучших мастерских мира, бронзовые скульптуры будут жить вечно и поприветствуют из нашего времени множество будущих поколений. Правда, произойдёт это, считает Даши, если человечество скорректирует экологический и моральный вектор своего развития в сторону сохранения традиций.

Когда-то наши предки, чтобы не беспокоить плоть кормилицы-матери родной земли, носили только мягкую обувь, да ещё и с закруглёнными носками. Когда Даши был ребёнком, бурятским детям запрещали играть “в ножики”, втыкать их в землю, потому что нельзя бессмысленно её, бедную, беспокоить подобным образом. Мы, дети более ранних годов из соседней области, никогда о подобных ограничениях и не слышали, а услышали бы – посмеялись. Поэтому, наверное, у нас лес и вырубается, и горит, мелеют и реки, и сам Байкал. Зато мы очень активно и варварски уничтожаем сейчас импортное продовольствие, очевидно, забыв про детские дома, интернаты, дома престарелых и просто про полуголодных беженцев. Неслучайно августовский “Московский комсомолец в Бурятии” с иронией и горечью восклицает заголовком статьи на первой полосе: “Россия жжёт, Россия давит”. Комментарии о том, кто виноват в варварстве, как говорится, излишни.

Собственно, на возвращение нас к чистым, не замутнённым цивилизацией истокам, по большому счёту, и работает творческий гений скульптора. Он признаётся, что постоянно чувствует в душе тектонический гул минувших веков и поддержку своих предков, которые, наверняка, ужасаются экологическому беспределу сегодняшних дней. Но вернёмся к “Хранительнице”. С лёгкой руки многолетнего экс-президента Татарстана Минтимера Шаймиева, повстречавшегося с новорождённой скульптурой на выставке в Кремле и загоревшегося обязательно водрузить огромную “Хранительницу” в родной республике, зародилась идея мега-проекта, который, как водится у расточительных россиян, осуществился, но за тридевять земель, в Британском королевстве. Сейчас неугомонный экс-президент Татарстана прилагает энергичные усилия, чтобы преодолеть заскорузлость местных религиозных консерваторов. А пока в столице Татарстана запускается огромный мемориальный комплекс, потрясающий своим совершенством. Проект не меньших масштабов уже осуществлён в Туве. На очереди Москва и Алма-Ата. И хотя работы у Даши невпроворот, пора бы уже и малой прибайкальской родине (Улан-Удэ, Иркутску, Чите) воспользоваться услугами сына своей земли.

У всех свои заботы, своё творчество, правда, увы, масштабы разнятся. Не были исключением и мы в судьбоносной для галереи, да, наверное, и для нас, поездке в Лондон.

Перед запуском нашей мечты – галереи-музея современного искусства – я решил сделать жене Ольге и себе подарок. Сказано – сделано, и мы вылетели на мой день рождения в столицу Англии. На этот раз не только для того, чтобы проведать мою дорогую доченьку – студентку столичного университета, но и побродить по выставочным залам. И надо же, больше всего нас поразила в самом центре Лондона выставка, где были представлены последние крупные работы, в основном, итальянского периода, нашего земляка Даши

Намдакова. Особенно восхитительны были его работы из камня и бронзы: величественная, но, увы, слишком объёмная для нашей галереи “Афродита”; уникальный, произведённый на свет Божий в одном экземпляре “Тигр и птица”, олицетворяющий, по моим представлениям, содружество России и Китая; идеально пластичная, буквально парящая над головой льва охотница “Виктория”, похожая на воинственную амазонку; мальчик, трепетно и вдохновенно прижавшийся к шее летящего в голубом небе Пегаса; красавица восточных кровей, грустно везущая в неизвестность новой жизни на своей преданной лошадке небольшое приданое, любимую собачку и сладостные воспоминания детства. Противоположные чувства вызвал жуткий в своей правдивой жестокости, облитый многодневной грязью и облепленный талантливо воплощённой в бронзе пылью степного похода, убивающий из лука невидимого противника восточный воин минувших веков.

В сравнении с мальчиком на крылатом Пегасе (скульптура “Вдохновение”) или девушкой на лошадке (“Приданое”), олицетворяющей своей изящной красотой мечту и музу, особенно ужасает воин (“Цель”), напоминающий о самых разрушительных чертах человечества, несущих смерть. Мастер как бы предупреждает нас: “Не дай Бог, если эта жуткая сила, которая, увы, никому не делась, вырвется наружу. Тогда не поздоровится никому. Стрела страшного воина поразит каждого”. При взгляде на скульптуру “Цель” невольно вспоминается стихотворение Николая Зиновьева:

ЛЕГЕНДА

*А свои голубые глаза
Потерял я в двенадцатом веке:
При внезапном степняцком набеге
Они с кровью скатились с лица.*

*И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушёл от ответа,
Я их поднял с горелой земли,
И с тех пор они чёрного цвета.*

В Лондоне я по-настоящему пожалел, что лет пятнадцать назад не послушал своего друга и вожатого по мастерским художников, поэта и просветителя Геннадия Гайду и ни разу не заехал к Даши в мастерскую в своём родном городе, а ограничил своё пристрастие только деревянными скульптурами. С тех пор цены и ценность работ бурятского гения выросли в десятки раз, и этот процесс продолжается, невзирая на все кризисы и потрясения. А между тем, скульптуры в лондонской галерее излучали на нас такую физически осязаемую энергию, тепло, а порой и ужас, что мы с Ольгой и дочерью Полиной, не сговариваясь, поняли, что нашего музея без них просто быть не может.

Оказалось, что Даши, наученный тяжёлым опытом взаимоотношений и “разводов” с “галерейщиками-поводырями” в России, стремящимися вести его по жизни на коротком финансовом поводке, на этот раз заключил равноправный контракт. Область совместных интересов с ведущей галереей Англии ограничена взаимовыгодным, весьма эффективным сотрудничеством, но не по всему миру и даже не по всей Европе, а только по Англии, хотя рекламные волны из Лондона невольно транслируются на весь мир, долетая и до наших закоулков.

Просто поразительно, как Даши удалось отстоять свободу действий по всем остальным странам, включая Россию. Но всё же английская галерея высказала и нам, и автору немалое неудовольствие, так как с указанными скульптурами мастера мы встретились в великолепных стенах их обители. Правда, мне показалось, что скульптуры с мольбой взывали забрать их на родину мастера.

Кстати, взаимоотношения большого художника или артиста с продюсерами очень непросты. У Даши-художника остался огромный опыт борьбы за независимость с желающими возглавить его творчество и финансы. Благо, теперь вырос собственный родной и, конечно же, самый преданный менеджер — сын Чингис, сделавший к тому же своего отца счастливым дедом, а его обожаемую молодую жену и маму шестилетней Дашеньки — бабушкой.

Хотя это звание пока никак не вяжется с обликом очаровательной эlegantной девушки – мамы троих детей, один из которых уже взрослый помощник и менеджер семейного бизнеса.

Говоря об опасностях, подстерегающих знаменитостей, нельзя не вспомнить, как на полном пределе сил сражался, чтобы поспеть к сроку и сохранить финансовую независимость от издателя, Фёдор Михайлович Достоевский, сумевший с помощью будущей жены, юной стенографистки Анны, одержать верх.

До сих пор вызывают много споров подробности ухода из жизни великих поэтов Серебряного века, нередко с немалой валютой посещавших за границу: Сергея Есенина, прокатившегося по миру с Айседорой Дункан, а также Владимира Маяковского. Может быть, и их финансовые дела кто-то хотел вести? Как знать...

Но вернёмся от глобальных проблем и исторических подозрений к нашим, малым для мира, но огромным для нас делам и проблемам.

Меня мучила мысль – как всё же выйти на земляка в “столице мира”? И вновь появились сожаления, что в Иркутске 17 лет назад была упущена совершенно реальная возможность познакомиться и подружиться.

Всё же неясно, почему мой “вожатый” по первым шагам в области иркутского искусства Геннадий Гайда не настольно заехать к молодому и талантливому, по его же мнению, скульптору из Бурятии. Даже когда в ту пору он выбрал с отцом для меня подарок на далёкий уже мой юбилей, опять заехал не к Даши, про которого часто вспоминал, а ко Льву Ивановичу за деревянной скульптурой. В этом, безусловно, есть какая-то тайна! Остался я в стороне, и когда мои друзья той поры – Юрий Якубовский и Олег Геевский – поехали с кем-то в мастерскую и приобрели чуть ли не по десятку работ мастера, начавшего набирать известность и силу.

Ответа на этот мучительный вопрос нет. Хотя, наверное, судьбе было угодно, чтобы в моей душе накапливался какой-то нерастроченный потенциал, подобный нарастающему заряду электричества на небе и на земле перед грозой. Я чувствовал, что в отношениях тоже может произойти эмоциональный взрыв, в результате которого моя духовная орбита изменит курс и основательно пересечётся с обжигающим сиянием планеты большого мастера. Забегая вперёд, скажу, что это предположение оказалось верным.

А пока в Лондоне я, как и положено предпринимателю, всеми силами старался узнать телефон бывшего земляка, тщательно взвешивая, к кому можно обратиться. Искать встречи через знакомых арт-менеджеров или других очень деловых людей крайне нежелательно. Они сразу же постараются “возглавить” процесс переговоров и не упустят свои жирные посреднические от меня или, скорей всего, от автора, что одно и то же. Но, видимо, Господь благоволил к тем, кто старается не только для себя, и “ларчик открылся” максимально просто. Не зря уже много лет я дружу с далёкими от бизнеса и, особенно, от корысти людьми искусства. Так, молодая искусствовед Алёна Кабунова перешла к нам из художественного музея. Она, по закономерной случайности, – ученица маститого искусствоведа Надежды Петровны Комаровой, которая много лет работает непосредственно с самим Даши, а значит, может не только передать телефон, но и заочно представить нас в объективно выгодном свете. Это она, по-видимому, от всей души и сделала. Во всяком случае, мы удостоились встречи не “на ходу”, как бывает со знаменитостями, а были первыми и пока единственными приглашёнными в “святая святых” – новую мастерскую мастера километрах в 70-ти от центра Лондона. Там мы с удивлением обнаружили, что “человеком мира”, получив огромную известность, Даши не стал. Земляки, малая родина, где по бурятскому обычаю под отчим домом закопан послед, в котором мать вынашивала ребёнка, дарящий при свидании с этим мистическим местом спокойствие, уверенность и огромный творческий заряд – от этих крепких бурятских корней произрастает творчество Даши и по-прежнему питается соками родной прибайкальской земли. В незабываемый вечер знакомства и посещения мастерской мы подружиться и с сыном мастера Чингисом. После переговоров о приобретении пяти крупных (с человеческий рост) скульптур по сибирской традиции хозяева пригласили нас на дружеский ужин, где пока ещё устный договор мы скрепили бокалами вина и пива. Жаль, что из намеченных скульптур в наличии оказалась только “Тигри птица”, но и она пока ещё отбывала гостить на выставку

в Америку. Остальные скульптуры предстояло отлить в старинных итальянских мастерских, где трудятся ремесленники в третьем-четвёртом поколениях, сочетающие опыт дедов и современные технологии.

Неожиданно нам повезло ещё и в том, что у Даши в этом же месяце была запланирована поездка на свою малую родину с заездом на один день в Иркутск. Теперь уже он с удовольствием принял наше приглашение на обед. Но самое главное — Даши посетил реконструируемые помещения галереи-музея, а также не пожалел нескольких часов и проехал за город к нам в коттедж, чтобы познакомиться с частью будущей экспозиции живописи и скульптуры. И будущая галерея, и коллекция заслужили его высочайшую оценку. Такого размаха и высокого качества экспонатов он никак не ожидал. А искусствовед Надежда Петровна искренне удивилась, что коллекция собрана за пятнадцать лет, а не несколькими поколениями. Меня же, в свою очередь, поразило, что взгляд маэстро чаще всего сходу отмечал действительно самую лучшую живопись таких корифеев, как А. Л. Вычугжанин, В. И. Бочанцев, А. Ф. Рубцов, В. И. Лапин, В. В. Тетенькин, Н. Н. Вершинин, Б. В. Десяткин. По работам нескольких уважаемых мной современников он отметил, что в них пока не чувствуется уровня личности старых мастеров. По его мнению, они мало читали, а возможно, даже прошли мимо Чехова и Толстого. Поправимо ли это, когда молодость и период становления личности миновали? Большой вопрос.

Кроме культурно-эстетической ценности, приобретение скульптуры — это ещё и способ вложения средств поистине на века, и привет из нашего времени будущим поколениям — продолжателям рода. На каждую бронзовую скульптуру из числа не музейных мы выписываем правдивую, хоть и шутили-вую гарантию на... тысячу лет, то есть на сорок поколений вперёд.

Мировоззренческий шок

Вскоре после Лондона, уже на Родине, в следующие приезды мастера углубившееся знакомство с ним, переросшее в приятельство, да, пожалуй, и в дружбу, неожиданно изменило некоторые мои, казалось бы, уже давно установившиеся взгляды на жизнь, а именно укрепило веру в Бога, в ангелов-хранителей в лице предков, и в результате, что особенно важно, существенно прибавило оптимизма и отодвинуло возможные депрессии. По-моему, судьба Даши и его рода заслуживает не меньшего внимания, чем вершины творчества. Его опыт помог мне переосмыслить основные вехи собственной жизни.

На все мои беды: на страшное несчастье с сынишкой Андрюшей, на неприятности со здоровьем и в семейной жизни — я стал смотреть не как на бесмысленные наказания судьбы, непонятно зачем обрушившиеся на мою бедную голову, а как на суровые испытания, ниспосланные Богом, после которых обязательно открывается какая-то абсолютно новая и светлая страница или даже глава в моей, в целом, всё же довольно успешной жизни. Много раз слышанная, а потому и затёртая фраза о том, что Господь специально посылает испытания, чтобы сделать нас крепче духом, вызвала во мне такое же чувство, как и нравоучения родителей в подростковом возрасте. Преодолеть скептическое отношение к этому постулату мне помогла история, пережитая глубоко верующим юношей-буддистом. Залогом её правдивости является то обстоятельство, что человеку с огромными достижениями в жизни совершенно не нужно выдумывать захватывающие приключения. Такие люди не нуждаются в привлечении к себе дополнительного внимания, скорей, наоборот. О Даши как о замечательном художнике-скульпторе уже давно знают не только в России, но и во всём мире. Кроме этого, рассказ во всех деталях подтверждают и мать, и сёстры художника.

Оказалось, что Даши не всегда был жизнерадостным и счастливым, как это кажется на первый взгляд. Уже через несколько месяцев после рождения младенца его маму потрясло страшное пророчество. Когда ламы присваивали имя её младшему сыну, они предрекли либо его гибель в пятнадцать лет, либо, если выживет, всемирную известность. Никакой известности ценой такого риска матери, конечно, не было нужно. Хотя Даши, как истинный продолжатель рода кузнецов, подобно богу Прометею укрощающих огонь, был весьма крепок духом и, по его собственному признанию, никогда не испытывал чувства ужаса от мыслей о смерти. О страшном пророчестве он узнал от матери только тогда, когда все опасности и напасти были уже позади.

И действительно, именно в пятнадцатилетнем возрасте у юноши совершенно неожиданно произошёл страшный болевой приступ в области желудка и спины, закончившийся прободной язвой. Несмотря на вовремя сделанную первую операцию и две последующих, в конце школы и в институтской юности он ночи напролёт страшно мучился необычно стойкой язвенной болезнью, которая не проходила, несмотря на усилия и врачей, и лам, и даже, что уж греха таить, опытного шамана, предсказавшего ему семилетние страдания с неясным концом, но не сумевшего помочь беде. Дальнейший опыт лечения подтвердил, что и этим то ли ремеслом, то ли искусством разные шаманы владеют неодинаково. Как и в любой профессии, здесь тоже, по-видимому, есть и “троечники”, и “отличники”. Дело доходило до того, что из-за страшных болей Даши не мог принимать и переваривать пищу. Как следствие, на него обрушилась опасная худоба и полная потеря сил. Как-то на охоте, недалеко от дома он в изнеможении упал, не в силах ни встать, ни даже ползти к мотоциклу, где ждал его школьный друг Норбо. С морозом и снегом не пошутишь, и молодой человек уже начал ощущать предсмертную лёгкость, а может быть, и радость избавления от ежедневных страданий. Но ласково обнимавшую его лукавую смерть победила другая могучая сила, которая невидимыми нитями властно удерживала остатки жизни и заставила из последних сил, на самом краешке бытия нечеловеческим напряжением воли два раза нажать спасительный курок ружья. Этой могучей силой была любовь к матери и отцу, к дорогим сердцу сёстрам и братьям, к друзьям из родной деревни, с которыми в интернате прошли незабываемые школьные годы, с кем спина к спине не раз отбивали жестокие нападения сельской шпаны, старающейся наказать ребят из единственной в их районе бурятской деревни за “неправильный” разрез глаз, за нескрываемое почитание родного языка и непонятных для юных варваров традиций.

* * *

*Они были лихими и ранними,
Напоказ окружающих ранили,
Вундеркинды, но не в математике,
А в питейно-табачной грамматике.*

*Близнецы по ухарским привычкам,
Различали друг друга по кличкам,
Для семей не хватило им трезвости,
Не в Христе повзрослели, а в мерзости,
Сбившись в стаи, сивухой дышащие,
Они первыми заняли... кладбище.*

По выстрелам Норбо отыскал замерзающего друга и буквально на руках вытащил из лап “владыки холода”, цепко хватаящего коченеющую добычу. Ему, по-видимому, так же, как и нам, нужны художники, которые работают зимы напролёт, разрисовывая деревья, реки и окна домов, изображая на стекле порой и собственные портреты.

* * *

*Приглядишься, что рисует мороз
На оконном стекле? Нет, не розы
И не белые ветви берёз,
А обозы, обозы, обозы...*

*И не сказочный рой облаков
На оконном стекле серебрится —
То замёрзших в степи мужиков
Бородатые белые лица.*

Николай Зиновьев

Одним из таких рисовальщиков и скульпторов ледяных узоров и стал бы Даши, если б не увенчавшиеся успехом упорные поиски другом места выстрелов.

Неизвестно, чем бы закончилось дело – выжил бы он или нет, – если бы после уже трёх перенесённых операций на его пути не встретился очередной шаман – женщина, к слову сказать, сама изрядно больная, несмотря на тридцатичетырёхлетний возраст. Поразительно, с каким мужеством она как будто бы выполняла своё высокое предназначение, буквально рискуя собственной жизнью. Увидев молодого человека в больничном коридоре, куда его привела мать, она с первого взгляда поняла, что, если срочно не вмешаться, то юноша умрёт, и не смогла удержаться, чтобы буквально не воскликнуть об этом. Когда она взялась за лечение, то, наверное, не знала, сколь трудным оно будет. Через неделю во спасение Даши ей, больной, предстоял четырёхнадцатикилометровый поход вместе с его родителями к дереву их рода. Рискованная “прогулка” проходила по зимнему лесу с глубоким, почти по пояс, снегом. При этом сама она только что выписалась из больницы, и значительные физические нагрузки ей с острым сахарным диабетом были категорически запрещены. Но перед началом столь решительных и рискованных действий шаман в присутствии многочисленных родственников Даши испросила разрешения у духов предков, увидев в металлической сфере, которая побывала на теле больного юноши, хозяина их рода – бурятского князя. Шаман точно описала его портрет и определила, что он при жизни совершал паломничества в Тибет. Семейное предание подтверждало и его черты, и этот факт. Увидела она и молодую хозяйку рода. А главное, что духи поведали ей причину бед. Они решили забрать младшего в роду сына, так как в последнее время, – а были это антирелигиозные советские годы, – семья проявила слабость и стала недостаточно почитать предков. Позабросили они родовое древо, где следовало исполнять обряды и ритуалы-жертвоприношения, имеющие, как я сам недавно убедился, немалую мистическую силу.

Недавно мне посчастливилось почти случайно побывать на таком семейном обряде. Но примерно за неделю до этого мы познакомились в Улан-Удэ ещё с одной гранью дарования мастера, почему-то до поры до времени скрытой от широкой публики. Дело в том, что Даши в детстве рос не только с братьями, но и в плотном окружении любящих, нежных и, конечно же, заботливых сестёр. Они иногда наряжали красивенького малыша в платица и ласково называли Дашенькой. Может быть, поэтому он вырос равнодушным не только к мужественным и коварным изображаемым в бронзе воинам, но и – раскрою секрет – к обворожительным, богато одетым красавицам с благородным взглядом задумчивых глаз, к очаровательным... куклам! Уже давно всех своих сестёр, талантливых рукодельниц, брата-ювелира и даже родителей он пристрастил к тончайшей ручной работе по изготовлению и украшению созданных им образов королев, мадонн с младенцами, всадниц, задумчивых тургеневских барышень и т. д. Но эти произведения видели только его друзья, которые сразу же стремились приобрести уникальные и совсем не тиражируемые творения. В результате они неспешно разбрелись по Москве и по миру. Среди счастливых обладателей их были известные певцы, например, Анита Цой, телеведущие и другие собиратели прекрасного, в основном, из столицы. Не оказались исключением и мы с Ольгой, решив немедленно приобрести несколько рукотворных шедевров для галереи и сделать журналистский фотоотчёт об этом неожиданном открытии. В шесть утра поездом Иркутск–Улан-Удэ прибыли фотохудожник Мария Маркова и журналист из нашей галереи Екатерина Иванова. После плотной работы вечером у нас был запланирован отъезд в Иркутск. У Даши громоздились свои планы. Разъехались мы с чувством, что не наобщались и не договорили чего-то очень важного и нужного. Поэтому не прошло и трёх дней, как непонятная сила вновь потянула меня в места, связанные с неожиданно открывшейся мне удивительно талантливой и дружной семьёй, как будто бы таинственно перешагнувшей из прошлых веков, где нередко несколько поколений работали под одной крышей, дружно и весело вели натуральное хозяйство. Каждый был в ту пору “и швец, и жнец, и на дуде игрец”. Без определённых планов я позвонил Даши уточнить, стоит ли как-нибудь съездить в их родную деревню, чтобы с помощью очевидцев разобраться, как могло сформироваться и сохраниться такое чудо и, извиняюсь, анахронизм нашего бестолкового времени, как традиционная бурятская семья, да ещё и не простая, а принадлежащая к самому

высокому бурятскому роду – роду настоящих “огненных” кузнецов, которые считались равновеликими и шаманам, и ламам. Представители этой, если можно так выразиться, касты всегда отмечались особыми знаками, они обычно талантливы в любом рукоделии, отличались умом и волей. Не исключением был и отец Даши – Бальжин, умеющий и мельницу возвести, и собрать электродвигатель и косилку. А в самые трудные времена хрущёвского самодурства с сельским хозяйством он освоил сам и научил всю деревню изготавливать национальную обувь. Этот труд спасал его земляков в годы уничтожения личных подсобных хозяйств и позволил сохраниться уникальной деревне, где до сих пор нет не только решёток на окнах и воровства, но и двери не замыкаются. Если бы не обувной промысел, то бурятскую деревню постигла бы печальная участь русских соседей. О русской деревне напоминают только гниющие столбики и ржавая проволока загородок для скота да небольшое кладбище, сиротливо вззирающее на бескрайнюю степь со ставшими бесполезными обильными травами, веками кормившими многочисленными табунами и стадами. Отец Даши был не только первоклассным обувщиком, но и не был чужд женского, на первый взгляд, ремесла. Он умел ткать редкостной красоты ковры.

Телефонный разговор с Даши закончился радостной вестью. Оказывается, у него неожиданно изменились планы, и они с сёстрами как раз сейчас выезжают в своё родовое гнездо, а это примерно 450 километров не лучших дорог по Бурятии и Читинской области, а завтра у них состоится очень редкое торжественное событие – родовый молебен. Неожиданно я был удостоен большой чести – приглашения принять участие фактически в семейно-интимном ритуале, где не было, как оказалось, даже никого из деревенских друзей. Наверно, с далёкой юности я не загорался так ни одной поездкой. Но как же быть? До события меньше суток, а дорога – более тысячи километров. На машине уже не успеть. И опять везение. Оказалось, что можно долететь самолётом. И сегодня в пять утра как раз будет рейс на Читу, а там 140 километров – уже не проблема, и меня встретит на внедорожнике сын и помощник мастера Чингис.

Сказано – сделано; что нам, молодым духом, какая-то тысяча километров воздухом и более ста по земле! И вот ни свет ни заря я в аэропорту. Но авиация есть авиация. Из-за пожаров и дыма вылет переносят и раз, и два, и три на мучительных несколько часов. Но на священный ритуал в качестве зрителя я всё же успел, и моя бессонная ночь, и дорожная тряска были компенсированы с лихвой.

И духовно, и эстетически я был потрясён. Такого проникновенного пения и звучания инструментов мне не доводилось слышать. Казалось, что умелый лама, кстати, родом из этой же деревни, извлекал и доносил до нас волшебные звуки одновременно и потустороннего, и нашего мира, привлекая в помощники несметный полк музыкальных предков, поддерживающих его из далёких кочевых времён. Только в этот момент мне стало понятно мучившее меня много лет непонятное ощущение от рассказа Валентина Распутина “Что передать вороне?”, где, по его словам, птица летала между нашим и ушедшим миром. Более того, в течение обряда я и сам чувствовал, что как будто пролетаю между двумя мирами и вижу собственных родственников, не одно поколение которых жило в мире и согласии с местным населением на берегу Байкала. Мои баргузинские предки по отцу знали в совершенстве, кроме русского и еврейского, ещё и бурятский язык. Наверняка, они также почитали местную культуру и не раз наслаждались высокодуховными обрядами одной из основных религий человечества.

Как же я был поражён, когда по завершении обряда все его участники вдруг увидели в небе двух величественно парящих орлов, как будто бы бережно несущих на своих распростёртых в неподвижности крыльях души наших прародителей, заботливо вззирающих с небесной выси на своих благодарных потомков. Все участники и зрители обряда смотрели, как зачарованные, и я видел, что не у одного меня на глаза наворачиваются слёзы. Каково же было потрясение присутствующих, когда и на нас упало буквально по несколько “слезинок” с неба. Показалось, что трогательную слезу обронили из орлиных глаз давно ушедшие в иной мир дорогие сердцу родственники. Единичные облака, плывущие в это время по синему небу, были явно не дождевые. Но если они и помогли в честь нас творимому на небесах встречному обряду, то совершенно не случайно.

Но до этого праздника двух миров юноше нужно было ещё дожить, вырвавшись из цепко схватившей его беды.

В ту далёкую, ставшую уже историей пору его болезни в качестве знака, разрешающего диалог с предками и дающего шанс на исцеление, была выбрана, как это ни банально прозвучит для скептиков, конкретная игральная карта, которую шаман назвала, когда её уже предстояло вытянуть из колоды. С волнением, подобным тому, что пережил Герман в “Пиковой даме”, эту мистическую карту следовало вытянуть с первого раза кому-нибудь из молящихся за столом родственников. Только ставкой здесь был не выигрыш денег, погубивший в драме Пушкина старуху, а жизнь юного Даши. Шаман с новой колоде не прикасалась, тасовали её по кругу все сидящие за столом. И вот в страшный момент все замерли: с вероятностью меньше, чем три процента, из колоды новых карт следовало вытянуть бубнового туза, и только его... Чудо свершилось! Все выдохнули с облегчением. Приобретший судьбоносное значение спасительный туз нужной масти был вытянут! Но шаман знала, что это была ещё не окончательная победа, а только шанс. Впереди ждали тяжелейшие походы в зимний лес, предпринятые на пределе сил и родителей, и старшим братом Будажапом, бывшим охотником. Первый раз, пока шаман ещё лежала в больнице, с семьёй ходил вымалывать прощение “главный виновник”. Во второй раз, через неделю, семья двинулась уже во главе с шаманом, но уже без ослабевшего после первого похода больного.

По описанию родителей, шаман, как и юноша в первый раз, пробиралась по глубокому снегу и молилась даже не на пределе, а за пределами человеческих сил. У неё судорогой сводило ноги, ей не раз растирали их, не раз она падала без сил, но поднималась вновь и вновь и упорно шла к цели. Добравшись до дерева, в конце страстной мольбы она уже не могла стоять и молилась лёжа в снегу, пока вдруг, успокоившись, не просветлела лицом. Все явственно услышали посреди леса звук проезжающей мимо телеги. Может быть, это был уехавший ни с чем мистический катафалк, а может быть, поехал, как раньше, в святые места Тибета князь-хозяин рода. Измождённая шаман радостно объявила, что духи простили род и не требуют неподъёмную жертву.

В тот же вечер мать Даши, не дожидаясь результата, потрясённая мужеством больной женщины, отдала ей все золотые украшения, которые были в доме, хотя та не требовала никакой платы. Впервые за многие месяцы предельно ослабевший юноша проспал всю ночь без малейшего беспокойства, а на завтра встал к обеду практически здоровым к неопишуемой радости большой и дружной семьи, отстоявшей невосполнимую для близких и, как оказалось, для всего человечества, утрату.

После этого случая у Даши вдруг открылись уникальные способности, но, правда, пока не художника, а, скорее всего, провидца. Он стал видеть биополя людей и мог узнать о любом самом сокровенном, в том числе и всё зло, которое человек совершил в жизни. Особенно страшно было видеть ему людей, чья жизнь запятана чужой кровью. А таких в 90-е годы было немало. Но не судьбы Вольфа Мессинга, Джуны, а может быть, даже и Нострадамуса жаждал для себя мужественный юноша, ни разу не паниковавший по поводу возможной смерти, но давно чувствовавший непреодолимую тягу к рисованию и к резьбе. Болея, он упорно занимался самообразованием, и помогала ему в этом ближайшая по возрасту старшая сестра Доржима, чуть не ежедневно славшая из Москвы письма, в которых пересказывала всё, что проходила в художественном училище. Поэтому Даши начал упрашивать шамана перенаправить это тяготившее его предначертание судьбы в русло художественного творчества. На счастье, шаману удалось справиться и с этой весьма непростой задачей. В девятнадцать лет теперь уже не мать, а сам никому не известный молодой человек Даши Намдаков, в подтверждение давнего пророчества лам, которое до поры до времени от него хранилось в секрете, получил поразившее его предначертание о том, что он добьётся на своём попроче мировой известности. Как видим, шаман не ошиблась, хотя, совершив этот подвиг во благо человечества, вскоре сама ушла из жизни, не дотянув даже до сорока лет. Может быть, в спасении для людей гения и было главное предопределение её очень нелёгкой судьбы.

Эту захватывающую историю из своей жизни поведал мне Дашинима, когда мы пробивались по трактам сквозь дымные завесы бесхозной российской тайги из его родного Укурика Забайкальского края в Улан-Удэ.

Беды и вершины стремительных лет

Наше восьмичасовое путешествие оказалось удивительно душевным. В очередной раз я убедился, что если кому-либо безусловно нравятся стихи, которые прочно поселились в моей памяти, то с таким человеком у меня совпадает и мироощущение, и совместимость оказывается такой, что можно хоть в космос, хоть в разведку. Даши открыл для себя Николая Зиновьева. Понравился ему, извиняюсь за нескромность, и мои стихи.

В ходе неспешной беседы я с удивлением осознал, что, пожалуй, не встречал человека, с кем бы в такой полной мере совпадали мои взгляды на Божественную природу мироздания, на исключительную роль предков в жизни и в судьбе людей, на катастрофически узкую и слишком прямолинейную дорогу человечества, вытаптывающего традиционную мораль, экологию, рвущегося к сверхпотреблению на основе безальтернативных видов используемой энергии и полезных ископаемых.

Нам обоим близка гипотеза о том, что космическое предназначение интеллекта – в сохранении главного Божественного творения, живой клетки, которая несёт в себе уникальную программу развития всех видов жизни на нашей и на других планетах. Клетки – это не люди и не собаки, для них не нужны огромные космические корабли. Для их перемещения в космосе, наверно, достаточно каких-либо лазерных лучей, а может быть, нужно просто обуздать имеющийся в природе “солнечный ветер” (не было же ведь когда-то и ветряных мельниц!) или пролетающий по галактике “бесплатный и беспилотный транспорт” – метеориты и т. д.

Бросали же наши предки когда-то бутылки в океан, почему бы и нам когда-нибудь, например, с помощью пролетающих мимо небесных тел не посылать весточки к себе и не спасать прародителей живой материи – вирусы, бактерии и выросшие из них живые клеточки?

Для решения этих космических задач следует развивать и развивать человеческий мозг, его левое и правое полушария. А значит, нужна и математика, и искусство, и сохранение на долгие тысячелетия среды обитания. Следовательно, и общая межгосударственная демографическая политика, и обуздание потребления природных благ. Причём необходимо развивать у людей оба полушария. Кажется, по-настоящему этой проблемой озабочен сегодня только Китай. Там на правительственном уровне серьёзно поддерживают развитие живописи и других искусств. Если тормозить развитие одного полушария, то мы получим “хромоту” разума, и бег к вершинам знаний и любви будет невозможен; человечество, как хромой путешественник без компаса, побредёт по кругу. Похоже, что так оно и происходит в настоящее время. “Кнопочная” цивилизация и антикультура отупляют человечество. Накопление информации в мега-компьютерах и в научных книгах – это далеко не то же самое, что развитие разума. Без эвристических открытий галилеев, коперников, архимедов, пифагоров и ломоносовых никогда не изобрести энергии, альтернативной электричеству или атому.

После нашего многочасового автомобильного диалога, в ходе которого мы передавали друг другу руль, на главные события своей жизни я посмотрел по-другому. Если у юного Даши был один жестокий и затяжной кризис, то у меня их было три, зато не таких долгих. Время между кризисами мне представляется отдельной, не похожей на другие, жизнью, каждая из которых позволяет взобраться на определённую вершину, правда, не мирового, а местного масштаба. Так что за мной тянется целый архипелаг, подобный не очень высоким прибайкальским Саянам, а у Даши всего одна вершина, но зато она до небес.

* * *

*Качает жизнь меня, как будто на волнах:
То всё теряет смысл, то обретает снова,
То страшен птичий крик в горящих небесах,
То в душу лёт заря спасительное слово.*

*Воздвигну из стихов я памятник себе,
Пускай не до небес, пускай масштабов местных.
Потомки разглядят в мятущейся судьбе
Стремительный полёт на крыльях дней чудесных.*

Интересно, что с детства, может быть, со знакомства с героем замечательной трилогии Драйзера Каупервудом, мне всегда представлялись мои достижения в масштабах города. Звание Почётного гражданина г. Иркутска, которое имеют всего человек 35, собственно, и подтверждает достижение этой цели. Но, может быть, теперь и настало время осуществления новых, более масштабных мечтаний? Почему бы и нет?..

* * *

Но вернёмся к моей судьбе. Первая жизнь — жизнь студента-механика-машиностроителя закончилась сразу же после института с его Ленинской стипендией и напряжённой инженерной работой весь последний год обучения и во время диплома. Далее, работая руководителем, я опирался только на экономику и организацию труда. И никогда не возвращался непосредственно к инженерному делу. Этот этап оборвался вместе с получением красного диплома и последовавшей за этим депрессией со страхами болезни и смерти, приведшими и к скачкам давления, и к острому гастриту, и к сердечным болям, едва не закончившимся инфарктом.

После каждого кризиса у меня рождалась любовь, резко в гору шли и дела, и творчество. После первого кризиса я стал самым молодым начальником цеха. Я поразил успехами огромное девятиэтажное оборонное предприятие, называвшееся для конспирации “Иркутский завод радиоприёмников им. 50-летия СССР”. В это же время, когда мне было 24 года, родился и сынишка Андрей.

После жуткого второго кризиса, с гибелью сынишки и последовавшим за этим через несколько лет опасным желудочным кровотечением, родился Стасик, а позже образовалась новая семья с появлением в этом мире Полины и Даниила, расцвела также и фирма “СибАтом”, а со временем вызрели и поэтические успехи.

И наконец, на новом сегодняшнем этапе — любовь с Ольгой, ставшей моей молодой женой, и создание с ней совершенно уникальной для нестоличного города галереи современного искусства, а также первое прозаическое произведение из двух книг о бизнесе и о судьбе.

Знаковым событием сегодняшнего этапа стало и знакомство с совершенно незаурядной личностью — Даши Намдаковым, чьи произведения буквально вдохнули душу в новую галерею, а его мысли и судьба всколыхнули новые чувства и укрепили веру, причём не на несколько минут, после которых “снова веру сомненья сомнут”, как писал Николай Зиновьев, а думаю, что теперь уже навсегда.

У Даши одна вершина не только в творчестве, но, что особенно здорово и нечасто бывает в наше суетное время, также в семейных отношениях и в любви. И сегодня, как я убедился, побывав в Укурике у “лондонца”, тысячами нитей связанного со своей малой родиной, самые тёплые отношения со старинным другом и со всем его семейством. Кстати, трепетно относится к своей деревушке не только Даши, но и большинство её жителей, хотя многие вместе с детьми живут в поджидающих их добротных домах теперь наездами. Многие сёла могли бы позавидовать их красочному, с душой сделанному дацану, и в ближайшее время будут завидовать новенькому клубу, который, как и дацан, возводится всем миром без бюджетной поддержки. Особенно мне понравилась подготовка к деревенскому сходу уважающих и, более того, любящих друг друга односельчан. А состояла подготовка в том, что солнечным воскресным утром все желающие подкрепиться перед деловым разговором запросто заходили на двор к Норбо, где на дощатом деревянном столе испускали призывный парок свежие позы из домашней свинины и радовали глаз сияющей разноцветностью овощи и салаты.

В ходе застолья было весьма интересно узнать по секрету от одной словоохотливой соседки историю любви Даши и его жены Татьяны, историю,

которую она знает в деталях, очевидно, не только по своим впечатлениям, но и со слов кого-то из сестёр мастера. Она красочно поведала, как почти 30 лет назад юные Даши и Татьяна приметили друг друга, будучи как-то в одной общей компании, где им не удалось познакомиться и даже обмолвиться хотя бы одним словечком. Всё решила следующая случайная встреча на улице, когда робкий юноша подошёл и неожиданно для самого себя не очень красноречиво сказал: “Пойдём в кино!” — и Таня сказала: “Да!” Как вскоре выяснилось, “да” прозвучало не только для кино, но и на дальнюю дорогу по непростой жизни.

Судьбоносное знакомство произошло, когда с помощью шамана мигом зарубцевались все язвы, и Даши был какой-то период времени абсолютно здоров. Но надо же было случиться новой бедой! После чудесного излечения множество рубцов “взбунтовались”, и их грубая ткань почти уничтожила эластичную подвижность желудка и кишечника, то есть перистальтику. И опять надолго обрушились новые страдания и жуткие неудобства совместной жизни. Но Татьяна без малейшего ропота вынесла всё. Юная, слегка избалованная студентка на долгие месяцы стала и домашней медсестрой, и санитаркой, и сиделкой пока Даши и врачи не решились ещё на одну, уже четвёртую операцию на израненной плоти. После долгих мучений на этой непростой операции окончательно завершился отсчёт семилетней болезни.

А тогда в океан любви чистой и полноводной рекой влилось на всю жизнь трепетно-терпеливое чувство жены-студентки, безгранично преданной больному, в ту пору обычному автору плакатов из простой, хотя и очень мастеровой семьи. Но от “трудов праведных”, как повелось, на Руси, не воздвигнешь “палат каменных”. Татьяна же вошла в жизнь юноши совсем из других “палат”. Она дочь партийного работника. А это при социализме была особая номенклатурная каста, которой, правда, не было в традиционном бурятском “табеле о рангах”, где самым достойным считался род кузнецов — укротителей огня и металла. Таню ничто не могло остановить, и она упорно следовала голосу своего сердца. Думаю, к ней в полной мере относится одно из моих стихотворений:

*В тебе любви и радости —
Как в свежести озёрной,
Чистейших вод накоплено
Среди прохлады горной.*

*Но солнце лаской жаркою
Под шубкой снеговой
Живой, журчащей музыкой
Нарушило покой.*

*Прорвало плен свой озеро.
И бурно понеслась
Вода повеселевшая,
Сияя и искрясь.*

*Вмиг русло пересохшее
Наполнилось водой...
А мы не так ли бросились
В объятия с тобой?*

*Бурлила нежность радостной
Рекою без конца,
Где камешки — веснушки
Любимого лица.*

В трудный период болезни поддерживали Даши и его одногруппники. Благо, группа художников в красноярском институте была всего человек семь. Повезло Даши и с настоящим Учителем, что в нашей жизни бывает не так уж часто. Им стал сильный педагог, а главное, настоящий Человек и скульптор, академик-секретарь Сибирско-Дальневосточного отделения Академии художеств СССР, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии

Лев Николаевич Голубицкий (1929–1994). Уже по вступительному рисунку он отметил для себя огромный талант Даши и, несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, остался преподавать, хотя в планах у него было другое.

Лев Николаевич восхищался необычной скоростью, с какой Даши усваивал материал и обгонял студентов и даже аспирантов по уровню мастерства. Уже за два года до окончания института академику было ясно – юный скульптор превзошёл всех, и дальнейшая его учёба бессмысленна. Тогда он утрясает вопрос в Москве, выделяет гениальному студенту отдельную мастерскую и забирает его досрочно готовить дипломную работу. При этом удовольствие от работы получали оба участника. Даши перенимал опыт, а не очень здоровый мэтр радовался, что может через своего подшефного с гениальной точностью выразить в произведении свои замыслы, которые, как стало ясно через два года, были последними. Полюбила юное дарование из Бурятии и даже нередко готовила ему диетические блюда жена мэтра, немка по национальности, замечательная душевная женщина, как вспоминал сам Даши, Энрика Эмильевна Эгерт.

Повезло Даши и в юную улан-удэнскую пору. Его привечал у себя в мастерской и позволял следить за своей виртуозной работой другой замечательный скульптор, заслуженный художник РСФСР, народный художник Бурятии академик Геннадий Георгиевич Васильев (1940–2012 гг.). А ещё раньше, когда Даши был школьником и пропускал из-за болезни занятия месяц за месяцем, с ним подружился простой, без регалий, но очень чуткий и отзывчивый человек, преподаватель литературы в интернате Николай Фасович Кряжев. Он привил пытливому школьнику любовь к русской и бурятской классической прозе и к стихам, но, что не менее важно, он буквально сражался с педагогическим советом интерната, чтоб они не травмировали больного подростка и не оставляли на второй год. Только благодаря его заступничеству, несмотря на огромное количество пропусков, Даши всё же вовремя закончил школу. Но аттестат – аттестатом, юноше предстояло после окончания школы решить ещё одну немаловажную задачу – ни много ни мало остаться в живых. С помощью лекаря шамана, духов предков, своей родной семьи, а на финишном этапе и Татьяна несгибаемый потомок рода кузнецов успешно решил эту главную задачу.

Сложные чувства одолевали меня после знакомства с богатейшей духовной стороной жизни скульптора. С момента пересечения в Лондоне нашего пути со звёздной орбитой большого мастера прошло полгода. Но настолько же сильно за это время изменился вектор “созревания” нашей галереи, сколько произошло, казалось бы, случайных благоприятных совпадений. Это и неожиданный выбор темы первой выставки, и совершенно случайное моё попадание на родовой молебен, и неожиданное знакомство с новым пластом в творчестве мастера и его семьи, и приход долгожданных скульптур из Москвы именно в тот день, когда Даши собирался из Улан-Удэ заехать в Иркутск перед вылетом в Лондон. Это событие вылилось в масштабную пресс-конференцию с участием всех иркутских телевизионных каналов, причём один из сюжетоов попал даже на общероссийский канал “Культура”.

За два месяца до открытия галереи неожиданно, по-моему, даже для самой себя во время случайной встречи заместитель губернатора и самая давнишняя покровительница моих начинаний в сфере организации мини-выставок Лариса Иннокентьевна Забродская предложила начать с бурятской тематики. Ей вдруг пришла идея приурочить наше открытие к традиционному бурятскому празднику – Ёрдынским играм. И хотя в дальнейшем связки галереи и праздника практически не получилось, идея оказалась весьма плодотворной. И не только потому, что скульптуры Даши в сочетании с бронзовыми скульптурами других бурятских мастеров стали основой выставки, получившей поэтичное название “Душа Азии”, но и потому, что мои предки по отцовской линии, хоть и были евреями, но жили и процветали именно в Бурятии. Первая выставка – дань уважения их дорогой для меня памяти. Я впервые соприкоснулся с искусством замечательных бурятских художников: Аллы Цыбиковой, Жамсо Раднаева, Зорикто Доржиева. И был поражён, насколько живопись наших ближайших соседей самобытна и отличается от иркутской, да и вообще от сегодняшней академической российской школы. Данное отличие не меньше, чем между строгим, почти аскетичным убранством церквей и радостно-цветным,

солнечным обликом дацанов. Так же отличен закрытый от посторононнего взора внутренний мир бурят с культом предков, с прочными семейно-рядовыми связями, с не похожей на наше храмовое пение музыкой, исполняемой ламами и шаманами.

Что ни говори, наше почтение к предкам, проявляемое, как правило, только в родительские дни, когда все устремляется на кладбище, причем не столько для молитв и душевного общения, сколько для хозяйственных дел, а иногда и для увеселения, — совсем не то же самое, что описанный мной родовой молебен бурят. Может быть, и наши предки так же, как в случае с Даши, недовольны невнимательным отношением к ним, и поэтому мы безбожно теряем такое огромное количество мальчиков и юношей? Беспристрастная статистика свидетельствует, что у наших соседей намного меньше потерянных и брошенных детей, и браки прочнее.

Для себя я решил внимательнее относиться к изучению своего генеалогического древа, разыскать и привести в порядок могилки своих прабабушек и прадедушек по еврейской линии в Улан-Удэ и православных в Подмоскowie. Причём не только покрасить и укрепить их, но обязательно свершить на них религиозные обряды, а главное, попытаться сделать так, чтобы дети прониклись таким же, как род Даши, внимательным отношением к своим корням, ведь когда-нибудь все мы обязательно окажемся в роли давно и, увы, навсегда ушедших. Жаль, что это время будет несоизмеримо продолжительней, чем наша быстро летящая жизнь.

Немного о долгожительстве галереи

Богата бурятская земля талантами. Такой школы скульпторов, сохранившейся благодаря буддийской традиции украшать дацаны, нет в России больше нигде. Интересны скульптуры и других бурятских авторов.

Недавно в моей коллекции появились даже скульптуры драгоценной лошади, черепахи и белого тигра из серебра. Последняя соответствует знаку года моего рождения. Подарил их коллектив фирмы на мои дни рождения. Автор произведений — Дмитрий Будажабэ. Его творчество также близко к корневому восточному искусству. Но и он потихоньку перемещается из столицы Бурятии в Японию, полагая, что там, как минимум, будет выше уровень технологического воплощения его задумок в литье. Ещё недавно меня мучила мысль о возможной подделке скульптур. Но, во-первых, добиться качества лучших мастерских Италии и Японии практически невозможно. А, во-вторых, как по пуле легко устанавливается конкретный ствол, так и по скульптуре специалисты легко установят мастерскую, и мошенникам не поздоровится. Правда, в Китае пока нет соответствующего закона. Но солидный коллекционер не купит “фальшивый бриллиант”. Сделать скульптуру недорого не получится. Бронзовое литьё по выплавляемым моделям, дальнейшая сборка и нанесение патины, придающей цвет, — весьма дорогое удовольствие, поэтому гнать подделку с сомнительным сбытом, но высокими затратами квалифицированного труда вряд ли кто и решится.

Разнообразие и уровень моей коллекции вселяет уверенность не только в её благотворном влиянии на душу, но и в её всё возрастающей ценности. Реалистическая школа особенно ценится сегодня, кроме России, в Америке и в Китае. В Европе же, видимо, несколько выше степень культурного “одичания”, её буквально захлестнули, по сути, “прикольные” дизайнерские штучки — инсталляции. Но и там всё же есть интерес к настоящей живописи и скульптуре.

Важно проводить выставки в прославленных галереях мира. Такие выставки повышают статус и стоимость не только коллекции, но и значимость сибирских художников. Продажа некоторых работ — неоценимая помощь местным скульпторам, художникам, да и развитию самой галереи. Правда, окупаемых галерей в России не так много. Обычно они дотируются из других видов бизнеса, чего не скажешь, например, про лондонские галереи, где у некоторых владельцев есть если не персональные самолёты, то возможность нанимать индивидуальные чартеры, чтобы иногда привозить занятых нужных людей, например, Даши Намдакова.

Вот уже несколько лет у нас в фирме, как я уже отмечал, галереей занимается моя жена Ольга, ранее не очень интересовавшаяся живописью, хотя

мы и познакомились, и даже зарегистрировали брак в художественном музее. Имея инженерное и экономическое образование, она очень быстро проявила интуитивное врождённое чутьё к настоящему искусству. Если мне, чтобы определить ценность некоторых картин, и через 15 лет подчас необходимо несколько дней кабинетного соседства с полотнами, то ей часто достаточно нескольких минут.

Поразительно, что её оценка практически всегда совпадает с мнением искусствоведов и других маститых экспертов. Приятно удивила она и неожиданно предложенным ею оригинальным планировочным решением офисных помещений, обеспечив не только окна для всех кабинетов, но и уютный круговой коридор для работников офиса, являющийся как бы продолжением галереи. Причём это было не просто абстрактное предложение, а весьма быстро выполненная на бумаге конкретная планировка, которую мы единодушно одобрили и воплотили.

Я не подозревал, что Ольга может так уметь “говорить” на инженерном языке. Но главный вклад Ольги в организацию галереи в том, что она весьма смело и обоснованно подвигла меня расторгнуть на полпути контракт со слабоватыми дизайнерами и пригласила других, несоизмеримо более профессиональных. Впоследствии их проект галереи завоевал “золото” в номинации “Интерьеры” на XV межрегиональном фестивале “Зодчество Восточной Сибири” с участием лучших архитекторов Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Барнаула, Красноярска, Улан-Удэ, Читы и Иркутской области.

Несмотря на то, что с окончания института Ольгой минуло всего-то четыре года, кроме работы с живописью, она брала на себя и успешно справлялась с координацией всех работ по реконструкции здания, включая фасад. В перспективе всё, что связано с этим направлением деятельности, должно находиться, прежде всего, в её руках, включая и выставочные площади. Это должно быть отдельным предприятием. Её кооперация хотя бы с одним наследником позволит воплощать в галерее полезные решения и будет гарантировать ей (галерее) долгую жизнь.

Все дети и внуки, я убеждён, не должны терять связи с искусством и музеем-галереей, любовно создаваемом мной несколько десятилетий. Галерейная деятельность должна повышать имидж нашего рода как в родном городе, так и в России, а может быть, даже и за рубежом. И дай Бог, чтобы у кого-либо из продолжателей моего рода была, как и у Дашинимы, всего одна вершина, но зато до самых небес! “Дай им Бог выше нас взлететь!”